

Вия АРТМАНЕ:

НЕ ПРЕВРАТИ СЕРДЦЕ В КАМЕНЬ

— Театр — вся моя жизнь, — говорит народная артистка СССР Вия Артмане. — Не умею жить без него, погибаю, чувствую себя не в своей тарелке. Театр, люди, рабочий ритм — вот моя жизнь. Прекрасно возвращаться к этому из отпуска, командировок... Дивное чувство — прийти вновь в любимое здание Художественного Академического театра имени Яниса Райниса, в дом, где тебя ждут...

— Вия, когда театр вошел в вашу жизнь?

— Очень рано. Детство прошло в деревне недалеко от города Тукумса. Отец погиб в катастрофе, ему было девятнадцать лет. Я родилась через несколько месяцев... С семи лет «в людях»: пасла коров. Мы, дети, разыгрывали для себя сценки из сказок, а потом организовали «театр» в сарае. И люди, совсем посторонние, очень радовались за ребятшек. В суровом моем детстве было и прекрасное.

О тех годах я рассказываю своим детям. Вот только до конца ли они понимают? Теперь у всех огромные возможности. А у меня их не было. Я не могла себе многого позволить, всегда зависела от других, от обстоятельств. И всего в своей жизни старалась добиваться сама, сама придумывала и находила пути к цели.

Почти все заработанные деньги, когда стала уже подростком, поглощались билетами на галерею. Конечно, места дешевые, но если каждый день ходить... А потом была студия в Театре имени Райниса и школа мастерства у моего первого учителя, основоположника латвийского национального театра Эдуарда Смильгиса.

Какими бы ни были трудными годы детства и юности, театр сделал их счастливыми.

— Жизнь современного актера проходит как бы в четырех стихиях — на сцене, в кино, на телевидении, на радио. Что вы думаете об этой «многомерности»?

— Всюду надо работать. И там, где не надеешься достичь большого успеха, и там, где успех больше, чем ожидаешь, и там, где тебе просто все еще в новинку. Меня пригласили на радио, когда я еще училась в студии Театра имени Райниса. Запомнилась первая читка стихов. За спиной кто-то сказал: «Что это еще за девчонка?» Режиссер строго оборвал: «Это не девчонка, а актриса». Я сразу же выросла в своих глазах — актриса... Впервые это прекрасное высокое слово было применено ко мне на радио!

Радио и экран дали много, и все-таки главное дал театр. Но, как ни странно (ведь у меня было крестьянское детство), меня долго держали на ролях «городских» и классических. Это грозило «сложившимся амплуа». Джульетта Шекспира, Элиза в «Пигмалионе» Шоу, Нина в «Маскараде» Лермонтова... Роли современники мне дали кино, начиная с первого фильма — «После шторма», а затем в картинах «Родная кровь», «Сильные духом».

Переключение с театральной аудитории на телевизионную, с радио на кино — это и новая работа, раскрытие каких-то других своих качеств, и вместе с тем эмоциональная разгрузка. Была у меня однажды в театре полоса отрицательных героинь, — естественно, накопи-

лась потребность других чувств. И в радиоспектакле «Без вины виноватые» я отыграла все, что сдерживала внутри: роль Кручинной дала то, чего не было у меня на театральной сцене.

— В чем отличие радиотеатра от сцены?

— На радио единственное средство создания невидимого образа — голос. Весь характер надо выразить в слове. На сцене же форм контакта со зрителем великое множество. Кино в свою очередь требует от актера еще одного совершенства — чувства меры. Испытанные сценические приемы, чрезмерная «выразительность» сразу лезут в глаза. И все же, мне кажется, актриса театра остается ею и в кино, и на радио... Всегда ощущаешь себя в образе — двигаешься, одеваешься так, как твоя героиня. И туфли тебе могут помешать, если по роли на героине сапоги. Неважно — видят ли зрители тебя в полный рост или только лицо и плечи. В основном, однако, согласна с вами: путь к себе мы ищем во всех четырех стихиях.

— Но не всех актеров приглашают и на экран, и на радиовещание. Как себя искать им?

— Также в многообразии. Надо смело браться за непохожие роли. Во всяком случае именно этого требую от своих учеников я. Вы знаете некоторых из них: Иварса Элартса, Мирдзу Мартинсоне, Гунту Грива. Мирдза сыграла уже и на всесоюзном телеэкране две роли: главную в фильме «Мираж» и одну из ролей в фильме «Богач—бедняк». «Поломать» себя, попробовать в разных амплуа должны и они. Мирдза играет сейчас «коварные» роли, ей нужна теперь нежная — Джульетта. Гунте надо «коварную», и не одну. А Иварсу — тоже нежную, например, Ромео.

Вообще актеру должно быть свойственно чувство творческого ритма. Если его нет, он «выпадает»; это ужасно — годами ожидать в театре роли. Но нельзя не считаться и с тем, что количество ролей в любом театре не бесконечно. Потому и надо пробовать пробиваться всюду — на радио, на экран. Талант расцветает только, когда работа идет в напряженном

творческом ритме. Театр многогранен, в нем есть и партнерство, и состязательность. Хочу, чтобы мои ученики поняли — без партнера актер ничто, чтобы познали дух партнерства, родство душ, товарищество. Участники спектакля — одна семья. Зритель всегда чувствует: сложившийся ли актерский ансамбль перед ним или же конкуренты, спор «звезд». Не подумайте, однако, что я против «звезд»: они театру нужны. Мы помним наших кумиров, и в первую очередь Лилиту Берзинь. И я бы хотела помогать зажигаться новым «звездам».

— Вия, много лет вас избирают народным депутатом. Доверие это неслучайное... Наверное, это объясняется и вашей популярностью, и тем, что людям хорошо известна ваша общественная деятельность. Ну кто не знает, что вы — заместитель председателя Советского комитета защиты мира? А в объединении ВЭФ нам сказали, что вы уже двадцать лет председатель их художественного совета. О вас там говорят с такой теплотой! Что вас связывает с рабочим коллективом?

— Труд и искусство неразделимы. Честно скажу: я очень боялась, когда художественный совет только был создан: знала, что это не простая обязанность. Но вот я пришла, увидела огромную увлеченность... И столько лет уже бываю на репетициях самостоятельных коллективов, на их спектаклях, вечерах!

— С какими проблемами больше всего идут к вам люди как и депутату Верховного Совета Латвии?

— С разными. Главным образом с житейскими, требующими откровенного, я бы сказала, личного разговора. Скажем, воспитание детей. Часто приходят матери-одиночки. Это трудные беседы. Как осмелиться дать однозначный совет? Полагаясь на собственный опыт? Но и житейские ситуации, и каждый ребенок — индивидуальны. Вот мы вместе и пытаемся распутать сложный клубок отношений. Поддержишь в трудный момент человека, чтобы он не растерялся, а потом уже стараешься его не потерять. Насколько семей приходят ко мне из года в год, хотя уже самое трудное у них позади.

Я горда, что людей моей профессии народ избирает своими депутатами. Народная артистка СССР Велта Лине, моя любимая подруга, актриса Академического театра драмы имени Андрея Упита, — депутат Верховного Совета СССР. Это многогранная, талантливая актриса. Она много играет и вместе с тем массу времени посвящает своей госу-

дарственной деятельности в качестве депутата.

— Когда у вас приемный день?

— Последний понедельник месяца.

— А какое из депутатских дел для вас сегодня главное?

— Главные — все. Но вот, к примеру, проблема, волнующая актрис-матерей. Как трудно совмещать обязанности матери со сценой! Я часто говорю, что актрисой по-настоящему стала только тогда, когда у меня родился сын. Но и то правда: от многого он заставил меня отказаться... Сейчас я загорелась идеей: при театрах надо создать детские комнаты, куда на время репетиций и вечерних спектаклей молодые актрисы приводили бы детишек. Заниматься с малышами могли бы актеры-пенсionеры: для них это тоже связь со своим театром...

— Вы вспомнили о сыне. Известно, что он пишет песни, музыку. Дочь ваша увлекается скульптурой. Муж — известный актер. Тан что служение искусству у вас — дело «семейное». Но вот вопрос: как вы относитесь к тому, что кто-то из членов династии создает тепличный климат своему, пусть и талантливому дитяти, облегчает его путь в искусство, в науку?

— Меня это тоже беспокоит. Как и все матери, я верю в своих детей. Временами я даже боюсь за сына. Но думаю, что он сможет сам найти свою судьбу.

— А не говорят ли вам близкие: «Ну что ты! За мать, если не хочешь помочь сыну!»

— Говорят... Но надо сдерживать себя во имя его самого. Мне пришлось трудно пробивать себе дорогу. Были и неудачи, и разочарование такое, что хотелось бросить все. Но были и радости, и любовь! Пусть мой сын тоже испытает все это.

Что дают нам и что берут от нас дети? Такой вопрос я часто задаю себе. Об этом и наш спектакль — «Блудный сын» Рудольфа Блауманиса, классика латышской драматургии. Это серьезный разговор о том, что один ребенок в семье — нарушение гармонии. Его трудно воспитать так, чтобы не задерживать или не забаловать. У каждого из персонажей пьесы по одному ребенку. И на всех это сказывается отрицательно, а главным героем просто искалечен любовью, не знавшей запретов. Роль его матери играю я — я не могла не сыграть ее...

Вия Артмане приглашает нас на репетицию. Темный зал. На сцене — ее ученики. И вот выходит она сама.

— Мать, что ты сделала со мной?! Ты превратила мое сердце в камень, не научив его любить...

Это по пьесе она не смогла научить любви. Всем своим творчеством и этой новой ролью в спектакле «Блудный сын» Вия страстно зовет людей к доброте, любви, человечности. И этим побеждает.

Беседу вели
Е. ВОСТРУХОВ
и **Н. КИЩИК**.